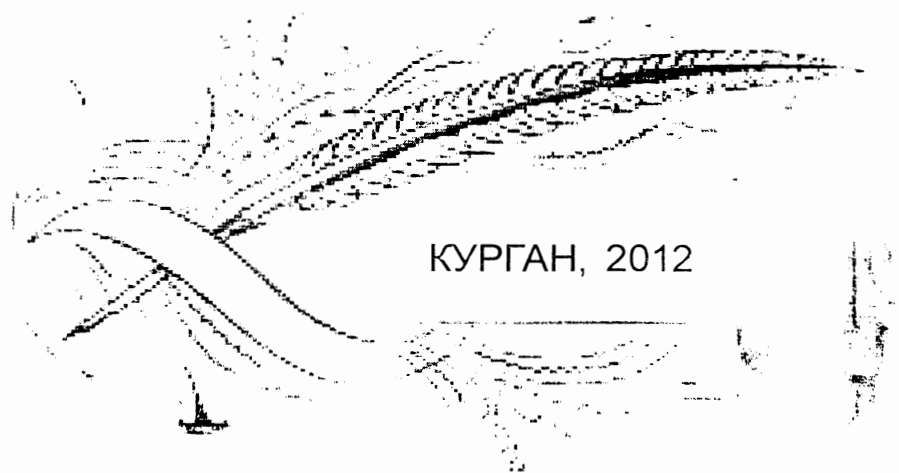

АНТОЛОГИЯ ЗАУРАЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ТОМ ВТОРОЙ

(К-Я)

КУРГАН, 2012

Владимир Иванович Филимонов

Антология зауральских писателей. 2012 г. - 524 стр., том II.

г. Шумиха, ОГУП «ШМРТ».

Редакционная коллегия:

Белоусов Андрей Дмитриевич – директор Каширинского литературно-краеведческого музея имени В.К. Кюхельбекера

Есетов Виталий Алексеевич – член Союза журналистов России

Потанин Виктор Федорович – член Высшего творческого Совета
Союза писателей России

Портнягин Валерий Иванович – член Союза журналистов России

Травников Герман Алексеевич – народный художник России

Устюжанин Геннадий Павлович – Заслуженный работник культуры России

548626

Литературный консультант – Иван Яган

Составитель – Владимир Филимонов

«Антология зауральских писателей» повествует о творческом пути и вкладе зауральцев – членов Союза писателей СССР, РСФСР, России – в литературу Отечества. В антологию включены и те, кто не являлся членом Союза, но сказал свое веское слово и достойно представил наш край в публицистике, журналистике, сохранении народного фольклора. Книга иллюстрирована большим количеством фотографий из жизни Курганской областной писательской организации разных лет, образцами литературных, государственных и общественных наград писателей, обложками их книг, документами из личных дел и другим наглядным материалом. Перед нами – энциклопедия становления и развития литературы родного края советского и российского периодов времени.

Книга издана по заказу и на средства Правительства Курганской области.

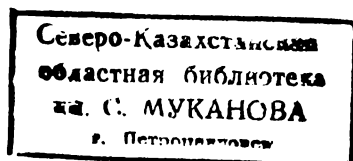
В оформлении «Антологии зауральских писателей» использованы картины Германа Травникова и Николая Година, фотографии Виктора Бухрова, Александра Алпаткина, Анатолия Удачина, Леонида Витебского.

Обложка, дизайн – Николай Пономарев

ISBN 978-5-904279-52-3

© Правительство Курганской области

© Курганская областная писательская организация

КРОХАЛЁВ
Леонид Григорьевич

(1947-2011)

ИЗ ДЕСЯТОЙ ПОЭМЫ

Уже мной пройден трудный путь.
Живу и не засох на бровке...
Родился я в селе Редуть.
Оно от Звериноголовки,

Райцентра – в двадцати верстах.
Граница с Казахстаном – рядом.
В редутях прежде – на постах
Казаки яицкие взглядом

Обшаривали степь: видны ль
В набеге степняки лихие?
И кровь лилась в степной ковыль
Чужая и своя... Такие

Царили нравы. Был Курган
Основан Ермаком со братья.
В Зверинке – крепость, чтобы хан
Мог только посылать проклятья,

Но опасался нападать.
Вкруг крепости везде – редуты.
Казаки мягко называть
Привыкли, что относим к сути

Их изначальной. Ведь казак
Из Запорожской вышел Сечи,
Хохлацкой, то есть... Мягкость – знак
Преемственности человеческой.

Село на левом берегу
Высоком батюшки-Тобола
В моем оттиснуто мозгу:
Вот это домик наш, здесь школа....

Мое приречное село
С высот боровых и от тракта
Высокой церковью зело
Приметно белоглавой... Так- то...

Год появления моего
Голодным был в округе нашей.
Не оставалось ничего:
Ни детям молочка, ни каши.

Когда пригрело по весне,
То обнажились огороды –
Растаял почерневший снег –
Скотина выжившая всходы

Пощипывала, а народ
Отзимовавшую картошку
Гнилюю кое-как печет –
Хоть это положить на ложку.

Я рос, как дикая трава.
Все лето бегал голопузый.
И выцветала голова

Под солнцем... Сельские бутузы

Любили, ливень переждав,
Барахтаться в глубокой лыве,
Наигрывая вольный нрав –
И нет на воле нас счастливей.

Напротив был поповский дом
В избу-читальню превращенный,
Позднее – в клуб... Картины в нем
Показывали: бело-черный

«Чапаев», «Светлый путь», «Весна»...
– Смотри! Хорошая картина! –
Но изверчусь весь: мне скучна
Игра теней – не восхитила.

Вот так жила моя Редуть...

Интервью газете «Новый мир», 31 августа 2006 года

ВЕДЕТ МЕНЯ ПО ЖИЗНИ «ПЕРВОКЛАШКА»

Сказано Пушкиным: «Что пройдет, то станет мило». Для нашего московского гостя, журналиста и писателя Леонида Крохалева особенно дорого то прошлое, с которым связано самое яркое, незабываемое, глубокое, волнующее – детство в селе Редуть, что стоит на высоком левом берегу Тобола, по течению двумя десятками километров ниже райцентра Звериноголовского. С воспоминаний о детстве и начался наш разговор.

– До четырех лет я рос здоровым, толстоще-ким карапузом. А после моя жизнь круто изменилась. Помню, как отец зимой укутал меня в тулуп, посадил в розвальни, набитые пахучим сеном, и повез в Зверинку в больницу. И если уж повез на чужой лошади за двадцать верст, значит, дело было серьезное, значит, не давал я родителям покоя с жалобами, что ножка болит. И вот в полутемной комнате дяденька в белом халате положил меня, голозадного, на длинный

металлический стол, навел на мою ногу светящуюся трубку и сделал какой-то рентген. А потом сказал: «Туберкулез».

– Это какой год был?

– 1951-й.

– И с тех пор?...

– Лечился. Но, как видите, до сих пор прихрамываю. Но это мне не помешало и на Магнитке поработать в формовочных цехах, и журналистские дела делать в Норильске, Туле, Серпухове, и даже несколько раз жениться...

– И сколько у вас детей?

– Три сына и дочка Маша, внук и внучка.

– Из-за них вы и стали детским писателем?

– Вряд ли, скорее из-за себя. Все корни моего творчества там, в моем детстве. Все рассказы – о родных местах, о людях, которых я знал, то есть о моей малой родине. Почему я и люблю приезжать сюда. Своего лирического героя я почему-то назвал Колькой. Вот завершу о нем книжку, которая пока в «чернильнице». Назы-

ваться будет – «Кудеряшка, или Необыкновенная жизнь белого козленка».

– *Считаете, что будет востребовано?*

– Это зависит от взгляда на мир. Кому-то Гарри Поттер мил, а по мне так российский ребенку лучше не знать этой чуши.

– *А у вас какой взгляд?*

– Я смотрю на мир двумя взглядами: и детским, и взрослым, детский преобладает. И потому, наверное, я никогда не буду писать толстых книг. Детский взгляд – это непосредственность, хорошая наивность, правдивость, доброта, вера во все лучшее. Для детей, например, смерти нет. А взглянешь вокруг по-взрослому – и видишь: ох, несправедлив нынешний мир...

– *Когда вас впервые назвали писателем?*

– Рассказы я начал писать в Туле в середине 70-х годов. А до этого была многотиражка Магнитогорского металлургического комбината, учеба на журфаке МГУ, работал на телевидении в Норильске. Опыт, впечатления детства – все сложилось, копилось. В 1982 году в альманахе «Истоки» издательства «Молодая гвардия» был опубликован мой рассказ «Дядька Селёма». В этом издательстве я работал с середины 80-х годов в редакции современной советской прозы. Горжусь тем, что был редактором книги «Письма к сыну» моего славного земляка Виктора Федоровича Потанина. Мы познакомились и подружились. Он рекомендовал меня в Союз писателей. К тому времени я уже печатался в журналах, вышли мои книги «Рассказы о детстве», «День позади, день впереди» с предисловием Владимира Крупина. И я был принят в СП в 1992 году. Вот тогда меня и назвали писателем.

– *Кто ваши литературные кумиры?*

– Уильям Фолкнер и Виктор Петрович Астафьев.

– *Леонид Григорьевич, а как вы пишете? Легко ли, трудно ли?*

– Трудно. Верна старая истина: чем больше работаешь, тем, оказывается, еще и еще больше работать требуется. Кое-что сделано, но надо вдесятеро больше. Кажется, я стал более требователен к себе. Лучше все иссушу в ящиках, чем выпущу плохую вещь в свет. Я не умею писать «между прочим», на коленке. Литературный труд требует сосредоточенности, уединения.

– *В вашей биографии я буквально натолкнулся на нестандартное, энергичное слово – «наблатыкался»...*

– А я люблю необычные слова, особенно диалектные, деревенские, и использую их в своей работе. «Наблатыкался» в смысле «набил руку». А вот что такое «чарым», знаете?

– ???

– Большой сугроб. Красиво! Из наших редутских мест, между прочим, словцо.

– *Встречаетесь ли вы с детьми в школах, библиотеках? Помогают ли такие встречи? Вдохновляют, подталкивают написать что-то новое?*

– Видишь их реакцию. Они смеются или не смеются. Интересуются или не интересуются. Часто реакция детская меня радует, но, честно скажу, никакого толчка творчеству не дает. Хотя в 1998 году...

– *Что?*

...дочка Маша пошла в школу. Именно тогда я придумал собственный журнал с названием «Первоклашка». А еще через три-четыре года был зарегистрирован и выходит журнал для школьников постарше «Детская школьная академия». Есть еще журнал «Отличник»

– *И везде главный редактор Леонид Крохалев?*

– Точно.

– *Так, наверное, писатель Крохалев озолотился за счет прибыли от журнальной «империи», в ус себе не дует, «парит свободно и легко да пьет парное молоко»?*

– На хлеб, конечно, хватает, но о большем говорить не приходится. Сейчас редакция – это моя квартира, журналы безгонорарные, без помощи Минпечати. Но выпускаю эти издания каждое тиражом по 12 тысяч экземпляров. Распространяются они по подписке, включены в каталог «Пресса России», «Роспечать» и межрегионального агентства по подписке. Примерно шестая часть тиража уходит в Белоруссию.

– *Кто жеставляет такое количество материала для выпуска журнала?*

– В авторах журнала – сами дети. Мы печатаем их рисунки, стихи, загадки, сказки. Недавно воспроизвели рисунки детей из села Звериноговского Курганской области. Много познавательного материала, который готовят взрослые. Мне активно и безвозмездно помогают лучшие педагоги, ученые, писатели. Правила русского языка в стихотворной игровой форме преподносит, например, замечательная учительница из московской школы № 711 Елена Солдатова.

В общем, затевая журнал, мы не думали о какой-то прибыли, а думали о том, чтобы с помощью чтения приучить детей к доброте и красоте, пробудить в них интерес к искусству, культуре, истории своей страны, к родному языку. И мне кажется, что именно «Первоклашка» ведет меня сейчас по жизни...

– *Спасибо за исчерпывающие ответы, Леонид Григорьевич!*

Записал Валерий ПОРТНЯГИН
Фото Ольги ГОРБУНОВОЙ

КУЛИКОВ
Леонид Иванович

(7.08.1924 – 5.09.1980)

Родился 7 августа 1924 года в городе Иваново. В городе Гатчине Ленинградской области он учился в средней школе. В пятнадцатилетнем возрасте Леонид заболел неизлечимым недугом: тело постепенно теряло гибкость, наступала неподвижность суставов, двигались только руки и немного – голова. Болезнь развивалась бурно, лечение не помогало, и к весне 1941 года Леонид уже был намертво прикован к постели. В начале Великой Отечественной войны семья эвакуировалась в Курганскую область, а с 1961 года стала жить в Кургане. До конца жизни рядом с Леонидом Куликовым была его мама, заслуженная учительница школы РСФСР Антонина Семеновна Куликова.

Прикованный к постели, Леонид Иванович учился писать стихи, занимался упорно самообразованием. В 1946 году в газете «Пионерская правда» были опубликованы его первые стихи для детей «На пустыре» и «Про кота». В 1957 году в Челябинске вышел первый сборник детских стихов «Скоро в школу». Л.И. Куликов писал много, в том числе и стихи для взрослых, а также рассказы, очерки, рецензии, но известен он, в первую очередь, как автор сказок и стихов для детей. Всего за 34 года творческой деятельности отдельными изданиями выпущено 25 книг Леонида Ивановича, общим тиражом более 3 миллионов экземпляров, а сказка «Белочка-умелочка» была переведена на украинский и литовский языки. Фирма «Мелодия» выпустила три пластинки с записями его сказок в исполнении Клары Румяновой. Но Леонид Куликов писал не только для детей. Книга его «взрослых» стихов «Преодоление» издана за счет средств его матери А.С. Куликовой в 1990 году. Она же написала и книгу «О сыне пишу».

Леонид Иванович Куликов награжден орденом «Знак Почета», значком «Отличник народного образования» и значком «За активную работу с пионерами», юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина». По инициативе сотрудников библиотеки проведен конкурс среди учащихся художественных школ на лучшую иллюстрацию по творчеству Леонида Ивановича. Работы победителей конкурса украшают новую книгу лучших куликовских сказок и стихов «Живое слово», изданную в 2005 году на средства Администрации (Правительства) Курганской области. Детскими рисунками иллюстрированы и изданные на средства Попечительского совета Центральной городской библиотеки им. В.В. Маяковского книжки-малышки «Белочка-умелочка» и «Торопей и все-все-все...» и другие. Леонид Куликов состоял в Союзе писателей СССР с 1959 года.

Из книги Ивана Ягана «Многоликая и самобытная»

СПИСОК ИЗДАННОГО

- Скоро в школу. Челябинск, 1951
- Кораблики. «Красный Курган», 1952
- Как ежик стал колючим. Челябинск, 1955, 1957
- Младшая сестра. «Красный Курган», 1956
- Про кота. Москва, Детгиз, 1956
- Храбрый Василек. Челябинск, 1958
- Про кота. Москва, «Детгиз», 1958,
«Детский мир» 1959
- Майские флажки. Челябинск, 1960
- Торопей. Челябинск, 1962
- Белочка-умелочка. Издательство «Советское
Зауралье», 1962
- Белочка-умелочка. Челябинск, 1963

Михаил Янко,

профессор Курганского педагогического института

О ПОЭТЕ

Леонид Иванович Куликов родился 7 августа 1924 года в городе Иванове. Его дед, С.А. Воронин, иваново-вознесенский ткач, чьим именем названа ныне одна из улиц города, был депутатом-большевиком в III Государственной Думе. Мать поэта, Антонина Семеновна Куликова, заслуженная учительница школы РСФСР, ветеран КПСС.

В 1931 году семья Куликовых переехала в город Гатчину Ленинградской области, где отец Л. Куликова работал юрисконсультom, а мать – преподавателем истории и директором 3-й Гатчинской средней школы.

В феврале 1940 года, когда Л. Куликов учился в восьмом классе, неожиданно нагрянула беда: он заболел тяжелой болезнью, грозившей неподвижностью. Лечение не помогало.

Началась Великая Отечественная война. Эвакуация. Трудная дорога за Урал. В пути Леониду стало особенно плохо и на станции Шумиха его пришлось снять с поезда.

Так Куликовы оказались в Зауралье. Жить пришлось в селе Дудинке, а затем в Половинном Усть-Уйского (ныне Целинного) района. Жилось трудно. Антонина Семеновна целыми днями находилась в школе, а Леонид был прикован к постели. Поддерживали добрые, отзывчивые люди. В 1961 году Куликовы переехали в Курган.

Зауралье стало местом рождения Леонида Куликова как поэта. Здесь им написаны первые стихи для детей «На пустыре» и «Про кота», опубликованные в 1946 году в газете «Пионерская правда».

Известность пришла не сразу. Терпеливо, настойчиво, целеустремленно работал поэт, мужественно преодолевая тяжелый недуг, чтобы в строчках запоминающихся стихов воплотить свои жизненные представления и идеалы. В 1951 году Челябинское

книжное издательство выпустило его первую книжку «Скоро в школу». Затем последовали сборники «Кораблики», «Как ежик стал колючим», «Младшая сестра» и другие.

Л. Куликов – автор десятков сказок, многих стихотворений, нескольких рассказов и басен. Стихи и сказки поэта давно перешагнули границы Зауралья, став достоянием юных и взрослых читателей. Его произведения неоднократно издавались в Кургане и Челябинске, Свердловске и Москве, а сказка «Белочка-умелочка» переведена на украинский и литовский языки. Общий тираж его книг превысил четыре миллиона экземпляров. Всесоюзная фирма «Мелодия» выпустила несколько пластинок с записью стихов и сказок поэта.

В 1959 году Л. Куликов был принят в члены Союза писателей СССР. «За заслуги в области советской литературы и в связи с 50-летием со дня рождения» он награжден орденом «Знак Почета», а также медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина». Его жизненному и творческому подвигу посвящены областные радио и телепередачи, несколько любительских кинофильмов.

Наибольшую известность принесли Л. Куликову стихи и сказки для детей. В его стихах, проникнутых ясным мироощущением человека, влюбленного в жизнь и людей, много света, душевного тепла и добрых улыбок. В сказках Л. Куликова всегда торжествует большая жизненная правда, воспеваются труд, доброта и человечность.

Поэт постоянно был среди детей. Его часто навещали школьники, ему писали из разных городов и сел страны, на школьных вечерах инсценировались его сказки, читались его стихи. За успехи в воспитании юного читателя Л. Куликов награжден знаками «Отличник народного просвещения» и «За активную работу с пионерами».

Менее известны стихи поэта для взрослых. В них звучит мотив непобедимости человеческого духа, они наполнены радостью бытия.

Вся жизнь и творческая деятельность Л. Куликова неотделимы от его матери, которая была не только кормилицей, но и заботливой няней. Она была его наставником и другом, первым читателем и взыскательным критиком, заботливым и ревностным хранителем душевного настроения поэта-корчагинца, его «солнцем светлым», «капелькой» большой Родины – России.

5 сентября 1980 года поэта не стало, но его стихи продолжают жить, бороться за доброту и честность, справедливость и мужество, за счастье быть на земле Человеком.

Торопей. Москва,
«Советская Россия»,
1963

Хитрая сорока.
Челябинск,
Южно-Уральское
книжное издательство,
1964

Белочка-умелочка.
Москва,
«Детская литература»,
1966

Солнечные зайчики.
Челябинск, Южно-Уральское
книжное издательство,
1966

Белочка-умелочка.
Челябинск, Южно-Уральское
книжное издательство,
1970

Храбрый Василек.
Челябинск Южно-Уральское
книжное издательство,
1971

Сказки и стихи.
Челябинск,
Южно-Уральское
книжное издательство,
1973

Белочка-умелочка.
Москва,
«Детская литература»,
1975

Торопей.
Москва,
«Детская литература»,
1978

Сказки. Челябинск,
Южно-Уральское
книжное издательство,
1979

Белочка-умелочка. Киев
(на украинском языке), 1979

Белочка-умелочка.
Вильнюс
(на литовском языке),
1981

Золотая бабочка.
Челябинск,
Южно-Уральское
книжное издательство,
1982

Преодоление.
Курган,
издательство
«Периодика», 1990

Сказки. Курган,
издательство
«Советское Зауралье»,
1992

Живое слово.
Курган, 2005

Жизнь и борьба
продолжаются.
Курган,
издательство «Отклик»,
2005

Белочка-умелочка.
Центральная городская
библиотека
имени Маяковского,
2006

Как ежик стал колючим.
Центральная городская
библиотека
имени Маяковского,
2007

Торопей.
Центральная городская
библиотека
имени Маяковского,
2008

Сказки.
Центральная городская
библиотека
имени Маяковского,
2009

НАЧАЛО

Мы жили в мире
радостном и трудном
И ждали счастья от грядущих лет.
Тогда нам самолет казался чудом
И роскошью простой велосипед.

А мы, мальчишки,
взором восхищенным
Искали в книжках молодость отцов:
С Корчагиным скакали за Буденным,
С Чапаевым громили беляков.

Как мы жалели, что прошли те годы.
Оставив нам лишь песню, стих и сказ,
Что кончились великие походы
И не осталось подвигов для нас.

Без нас Папанин вылетел на полюс,
И Чкалов сверху нам махал крылом.
А мы пока что с кляксами боролись,
Скрипели ученическим пером.

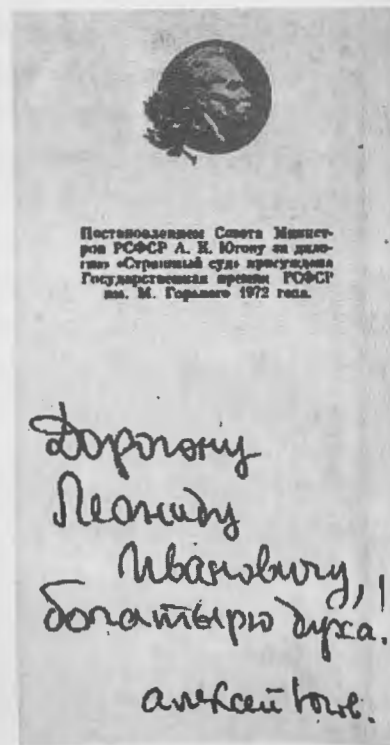
Еще не знало наше поколение,
Рожденное в год смерти Ильича,
Какие бури зреют в отдаленье,
Какие беды в двери постучат.

ДЕКАБРЬ 41-го

Небо побелело от мороза,
Зорька стыла в голубой пыли,
К станции зерно везли обозы,
А обратно беженцев везли.

Где-то надо беженцам селиться,
Вон их сколько ныне на листах.
В сельсовете дым махры клубится,
Беженцев подвозят на санях,
А своим придется потесниться;
Все-таки мы дома, не в бегах.

Москвичи, смоляне, ленинградцы –
Сколько их в селе – не сосчитать,

Леониду Ивановичу
Куликову
на память с
искренней симпатией.

Желаю Вам творческих

успехов, а мужественно
Вам их доказывать.

Сергейно —
Сергей Васильевич
Курган, 23 мая 1971.

Мемориальная доска
Леониду Куликову

на доме по ул. Гоголя, 62

Библиотека имени Куликова

Адрес библиотеки: ул. Гоголя, 183

Музей Леонида Куликова

работает в школе № 26

Адрес музея: 2 мкр., 27

ДОБРОВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИЖИ РСФСР
СФУЖАНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ПУБЛИКАЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Писатели и ученые Лазурьяк

Леонид Иванович
КУЛИКОВ

ИНЖЕНЕРНО-ГРАФИЧЕСКАЯ
УЧЕБНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

г. Мурманск, 1988 г.

НАГРАДЫ ПИСАТЕЛЯ

Орден «Знак Почета»

За доблестный труд.
В ознаменование 100-летия
со дня рождения В.И. Ленина.

Коль война пришла, куда деваться?
Все родные, надо помогать.

Вышли ленинградские мальчишки
На снега сибирского села.
Их не греют легкие пальтишки,
Животы дорога подвела.

Вон еще забота для колхоза —
Чем кормить подкинутых галчат.
Отпустил мешок муки, картошки
И завез дровишек в интернат.

Думал председатель сельсовета,
Где кого поставить на постой.
Вдруг сказали: свежая газета,
Наши наступают под Москвой.

16 февраля 1950 года

Дарственная подпись:
«Алексею Кузьмичу Югову —
сердечный привет с берегов
Тобола! Л. Куликов. 28.4.63.
г. Курган»

Десять лет лежу в постели я,
Дни и ночи — десять лет.
Юбилей не для веселия,
Юбилей не для газет.

Без конца тюрьма кроватная,
Не уйдешь, не уползешь.
Эх, ты лихо непонятное,
Погубило ни за грош.

И теперь уж не развяжется
Этот мертвый узелок.
И бывает — крышкой кажется
Мне белёный потолок.

Не расскажешь боль сердечную,
Волны муки и тоски,
Эти думы бесконечные,
Поседевшие виски.

Да и незачем рассказывать,
Перетягивать струну.
В жизни много было разного,
О хорошем вспомяну.

Да, судьба моя унылая
Тем удачлива была,
Что со мною мама милая,
Что душа ее светла.

Да еще одно хорошее,
Обогревшее мой век:
Я не раб, не жертва божия,
Я советский человек.

И печалит мысль одна меня,
Что сгораю без огня,
И что нет на красном знамени
Ни кровинки от меня.

СНЫ

Повторяются светлые сны —
Мне подснежники падают в руки,
Эту память далекой весны
Не засыпали долгие вьюги.
Снится мне, что я прежний юнец,
Непоседа, весёлый, здоровый,
Жадный книжник, неловкий пловец
И танцор, от смущенья суровый.
Вижу девушку в темном окне,
Лишь она может так улыбаться.
Много доброго вижу во сне,
Но приходит пора просыпаться.
Наяву — не размяться, не встать,
Прутья койки похожи на клетку.
Что мне мама найдет почитать —
Толстый том или только газетку?
А мечтами полна голова,
Ум не дремлет, свободный, как пламя.
И приходят простые слова,
Чтобы лечь на бумагу стихами.

ДОКТОРУ

Этот лист найдя в записках,
Вы припомните в момент,
Что у вас в углу сибирском
Есть внештатный пациент.

Он лежит, поджавши лапки,
Под стеклом своей избы,
Словно жук на злой булавке
Из коллекции судьбы.

И поскольку настроенья
Не теряет этот жук,
В легкий час для развлеченья
Он жужжит стихами вдруг.

А поскольку в том жужжанье
Рифмы есть, а силы нет,
Мне пришилино название –
Начинающий поэт.

Нашу славную эпоху
Я воспеть бы очень рад,
Но эпоху знаю плохо,
Да и голос слабоват.

И берет меня досада,
Что с постели не видать
Тех, кому похлопать надо
И которых освистать.

ТАНЕ

На перемене в шумной школе
Носились мы, как стайка птиц.
В ногах пружинки, ум на воле,
И в сердце радость без границ.

Ты мне казалась всех милее.
И удивлялся я не раз,
Что в классе делалось светлее,
Как только ты входила в класс.

И под вечерними огнями
Искал тебя в толпе людей.
А ноги свертывали сами
К далекой улице твоей.

С лицом, серьезным до предела,
Я проходил почти бегом,
Как будто я спешу по делу,
А ты здесь вовсе ни при чем.

Я сам большой. Мне горя нету,
Что ты так чудно хороша...
Смешные детские секреты,
Как первый лепет малыша!

Дарственная подпись:
«Краеведческому музею
Каширинской школы празднич-
ный новогодний привет и
пожелания новых успехов от
автора. Л. Куликов.
5.01.67. г. Курган».

Это – документальная повесть, что очень важно, прежде всего, для читателей. Нынешний читатель порой больше верит в документ, чем в писательский высокохудожественный вымысел, пусть даже приближающийся к жизни или даже тонко и точно отражающий эту жизнь. По себе знаю – нынешние дети и нынешние взрослые все чаще допытываются: «А так было? А это – на самом деле?» И пишут письма, и передают приветы, и спрашивают адреса – героев истинных, то есть написанных документально, и героев вымышленных, конечно, условно вымышленных, ибо за каждым из них, за придуманной фамилией – конкретные люди и конкретные судьбы... Люди верят в правду и хотят правды. Это – знамение нашего времени.

Так вот, книга Антонины Семеновны Куликовой «О сыне пишу» – документальна. И все в ней – правда. Если ее не сравнивать с другими чисто документальными книгами-мемуарами, воспоминаниями «бывалых» людей, то я бы сказал, что она, книга Антонины Семеновны, в чем-то сродни теперь уже знаменитой книге Л.Т. Космодемьянской «Повесть о Зое и Шуре». Конечно, в судьбах людских ничего нельзя и не надо сравнивать, – и в судьбах матерей, которые пишут о своих детях, – ничто не сравнимо... И все же!.. И все же!.. Тут что-то можно сравнить, ибо я знаю, как и вокруг чего создавалась книга Антонины Семеновны Куликовой «О сыне пишу», знаю, что есть у нее и успешно осуществляется замысел другой новой книги...

В аннотации к этой книге сказано: «Документальная повесть о мужестве курганского поэта Леонида Куликова, много лет прикованного к постели, о подвиге матери и отзывчивости многих людей, встреченных Куликовыми на их нелегком жизненном пути».

Все правильно. Все верно. И все же мне, знающему семью Куликовых не первый десяток лет, хочется что-то добавить... Мы знали и знаем поэта Леонида Куликова. Он заслуживает самых высоких похвал. За творчество. За мужество. И сам факт появления книги «О сыне пишу» говорит о многом.

Но мне сейчас хочется чуть-чуть рассказать о самой Антонине Семеновне Куликовой – авторе этой книги.

Антонина Семеновна родилась 1 марта 1902 года во Владимирской тюрьме. Да, вот так – в тюрьме!.. Родители ее – Екатерина Петровна и Семен Александрович Воронины – иваново-вознесенские рабочие, члены РСДРП (Российской социал-демократической рабочей партии – *сост.*). Пока отец продолжал отбывать наказание, Екатерина Петровна с маленькой Тоней уехала к родителям в деревню Анкудиново, что в девяти километрах от Иваново-Вознесенска. А потом?.. А потом отца освободили. Он служил в солдатах, сидел в военной тюрьме, работал на фабрике Маракушева, а в 1907 году был депутатом в Третьей Государственной Думе от рабочей курии Владимирской губернии... Мать – ткачиха, под негласным надзором полиции... Переезд в Петербург и возвращение из него в 1912 году в село Анкудиново... А потом отец был убит в 1915 году под Перемышлем.

Так жила и росла Тоня – Антонина Семеновна Куликова, автор этой книги.

После Великой Октябрьской социалистической революции она получила образование. Сначала на преподавательских курсах (программа начальной школы), потом на частных курсах счетоводов, позже – иваново-вознесенскую губсовпартшколу (губернскую советскую партийную школу – *сост.*) окончила. Работала разнорабочей, учительницей... Член партии с 1923 года... Ну, а в 1931 году окончила Ленинградский политехнический институт им. Н.К. Крупской. Он назывался «коммунистическим...».

Дальше было все – дети, война, Ленинград и Зауралье, село Половинное, директорство в местной школе, звание заслуженного учителя школы республики, и, конечно, Леня, Леонид Иванович Куликов – любимец детей и взрослых, поэт...

И вот книга – «О сыне пишу».

Конечно, Леонид Иванович Куликов заслуживает такой книги.

И все же я, человек, читавший в свое время рукопись книги Антонины Семеновны Куликовой, читавший эту книгу на страницах областной курганской комсомольской газеты, с удовольствием представляю эту книгу сейчас – в отдельном виде Южно-Уральского книжного издательства.

Мы, более молодые, должны преклоняться перед такими людьми, как Антонина Семеновна Куликова. Есть, право, чему поучиться у них...

Москва, ноябрь, 1975 год
Сергей БАРУЗДИН

*Из статьи Ивана Ягана
на книгу А. Куликовой «О сыне пишу»*

МАТЕРИНСКАЯ ИСПОВЕДЬ

Главный герой книги – поэт Леонид Куликов. Это в огромной степени усложняло работу автора. Будучи матерью героя, автором документального повествования как невольно было не впасть в сентиментальный тон, отдать дань розовой лакировке.

Но нет. Этого не случилось.

Одно из основных достоинств повести состоит в том, что образ главного героя рисуется на фоне общественной жизни нескольких десятилетий. Как бы ни была драматична судьба Леонида Куликова, повествование не замыкается кругом личной трагедии. Наоборот, мы видим яркие картины жизни народа, страны, сложнейшие человеческие взаимоотношения. И эти взаимоотношения переплетаются с судьбой героя, влияют на становление его характера и подчас оказываются решающим фактором в судьбе поэта.

Уже не мальчишка, но еще не юноша, Леня Куликов тяжело заболел. Еще никто не знает, что это неизлечимо. Но вот уже нет надежды на врачей. А тут великое всенародное бедствие – война. И вот мать с двумя детьми (один из них недвижим, другой – подросток) отправляется под бомбежкой в эвакуацию. Чужие края, незнакомые люди, голод, холод. Такое выпало на долю матери, что, казалось, сердце не выдержит. А оно выдержало по причине великой и мудрой любви и веры в лучшее.

Герой уже юноша. Жизнь поставила перед ним вопрос о смысле бытия. Вечная неподвижность, прикованность к постели. Возможность видеть и наблюдать мир – верхний угол окошка в деревенской

хате, затерянной в далеком Зауралье. И Леня Куликов поверяет тетрадному листу при свете коптилки то, к чему пришел его разум:

*Время к полночи медленно тянется,
За окном тихий шорох ветвей.
Все пройдет – ничего не останется –
Ни печали, ни боли моей.
Веет холодом, небо туманится,
Огоньки чуть мерцают вдали.
Все пройдет, ничего не останется,
Кроме холмика рыхлой земли.*

Легко осудить за столь глубокий пессимизм и такую обреченность мыслей здорового человека. Но попробуйте обвинить в этом Леню Куликова. Ведь он прав, он уже чувствует себя заживо погребенным. И только материнские руки, ее улыбка и неутомимые заботы не дают захопнуть над собой крышку гроба.

Видя и понимая состояние сына, она сама

страдала не меньше его, она из неведомых источников и тайников материнской души черпает силы для того, чтобы ободрить Леонида. Приносит книги, журналы, рассказывает о людях, с которыми работает в школе, находит для сына собеседников и друзей.

Над драмой книги преобладает светлый оптимизм матери. Она как бы говорит: пока бьется сердце, пока видишь и слышишь – ты человек. Разве этого мало? Значит, надо жить, надо делать посильное и полезное дело.

И вот:

*И печалит мысль одна меня,
Что сгораю без огня,
И что нет на Красном знамени
Ни кровинки от меня.*

Разве эти строки можно сравнить с процитированными выше? Нет! Да, и здесь ноты горечи и сожаления. Но о чем сокрушается молодой поэт: «И что нет на Красном знамени ни кровинки от меня»! Это уже не самокопание в собственной беде, а сожаление человека, обретшего чувство гражданского самосознания...

На самодельной тележке, сделанной добрыми людьми, все дальше и дальше увозила мать сына от небытия в светлый мир, дала возможность слушать пение птиц и видеть цветение трав, наблюдать краски природы и жизнь людей.

Особый план в повести – люди, которые встречались на трудном пути героя и автора. Кто-то помог Куликовым провести электрический свет в деревенскую избу, кто-то принес новые книги, кто-то прислал велосипедные колеса для новой тележки, кто-то помог опубликовать стихи Леонида и сказал доброе слово в его адрес. И предстает перед нами еще одно свидетельство образа взаимоотношений в нашем обществе, где высоко развиты гуманистические начала.

Мне не хотелось искать в литературе каких-либо параллелей. Подвиг поэта предстает как

548626

особый, куликовский героизм. Мы видим, как от стихов, полных безысходности, Куликов приходит к жизнеутверждающей поэзии, полной гражданского и человеческого оптимизма.

Повесть учит мужеству и утверждает: основа основ нашей жизни – труд и любовь, любовь и труд. Это также произведение о мате-

ринской самоотверженности, о безграничной силе материнской любви.

Тысячи тысяч знают творчество Леонида Куликова по его книжкам. Пусть же об этом узнают еще тысячи. Без сомнения можно сказать, что книга эта станет учебником жизни для молодого поколения.

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «О СЫНЕ ПИШУ»

В деревеньке Голчаново отпраздновали Ильин день. Мама собирается дожинать рожь. Берет серп поострее: уж очень нынче соломысты хлеба.

– А ты, Антонина, не ходи, нагибаться будет трудно, – говорит она мне.

Я не послушалась. Надо маме помочь. Потихоньку жну золотистую рожь, снопы вяжу небольшие – легче поднимать.

Наутро разболелась спина. Закуталась я в теплую шаль, места себе не нахожу – из избы да в сени, взад да вперед.

Мама заметила, говорит:

– Собирайся, Тоня, в город. Я пойду подводу искать.

На попутной подводе еду в Иваново-Вознесенск. Дорога неблизкая – восемь верст. Сидим с возчиком спина к спине, ноги свесили по бокам телеги. Друг друга не видим, не слышим. Дорога – каменка, стучат колеса железными ободьями по булыжной мостовой. Трясет – терпенья нет.

А возчик Санька, мой ровесник, нахлестывает лошадь, торопится на работу. Не видит, что я корчусь от боли. Скорее бы доехать!

Вот и окраина города, видна церковь Благовосновенная. Возле нее одноэтажное здание – родильный дом...

7 августа 1924 года родился Леонид Иванович Куликов. Темноволосый, темноглазый, смугловатый –

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА
г. Петропавловск

...Город первого Совета
дал ей в руки партбилет.
С ним сквозь беды и победы
Мама шла по десяти лет...

Л. КУЛИКОВ.

Уважаемый товарищ

Областной совет профсоюзов, Курганская областная писательская организация, областная библиотека приглашают Вас на юбилейный вечер, посвященный 70-летию со дня рождения заслуженной учительницы школы РСФСР АНТОНИНЫ СЕМЕНОВНЫ КУЛИКОВОЙ, матери писателя А. И. КУЛИКОВА.

Вечер состоится 1 марта 1972 года в областной библиотеке (ул. Комсомольская, 30).

Начало вечера в 17 часов.

Юбилейная комиссия.

ОС 00002 29 Заказ 1607
Тираж изд-ва «Советское Зауралье».

Пригласительный билет
на 70-летие матери поэта

настоящий куличонок, не в мою родню, не в Ворониных. С Леней на руках вернулась в Голчаново к маме.

Кончился мой декретный отпуск. Я переехала в город Кохму, в пятнадцать километрах от Иваново. Меня назначили обществоведом в школу ФЗУ.

Леню ношу в фабричные ясли. Мне дали комнатку с одним окном в фабричном общежитии. Печка с топкой из коридора. Кровать, три стула, стол, керосиновая лампа, железное корыто и пара ведер с коромыслом – вот и все мое хозяйство. Кухня общая, с русской печью и большой плитой. По соседству живут семьи фабричных. Ткачихи и прядильщицы, словоохотливые, участливые женщины, помогают советами мне, молодой матери.

Наняла няню – Наташу. Она заботлива, любит ребенка. Я занята и по вечерам: веду политкружок, читаю доклады. А еще нужно готовиться к занятиям в школе.

Муж приходит к нам из Иваново только на выходные дни, он учится на рабфаке, мечтает о высшем образовании.

Растет сын. За ним надо глядеть да глядеть. В комнате его не удержишь, бежит в коридор, смотрит, как взрослые растапливают печки, подкладывают дрова. Захотел помочь: подбросил в топившуюся печку наши и соседские галоши. Пришлось платить людям за сгоревшую обувь.

А мне и смотреть за Леней некогда: второй ребенок на руках. Сын Борис родился двадцать шестого октября 1926 года.

Во время летнего отпуска я с детьми живу у мамы, в Голчаново. Деревня на берегу речки. На горке стоят девятнадцать домов. Голчаново в стороне от большой дороги, улица заросла конотопкой.

У мамы в хозяйстве лошадь, корова, куры. Раз в

неделю она ездит в город на базар. Продаст молоко, купит сахару, масла, белого хлеба или пшеничной муки. Ржаной хлеб пекут из своей муки.

Детям привольно, но с Леней хлопотно – глаз не спускаем. Не ушел бы на речку – утонет.

Шагает сын в поле, на голове дядин картуз.

– Леня, надень свою панамку, – говорю я.

– Не надо! Фурагой буду птиц ловить.

По улице едет председатель колхоза Василий Егорович Иванов.

– Дядя Вася, покатай! – в два голоса просят сыновья, влезают на телегу. Дядя Вася довезет их до конца улицы. Бегут радостные домой.

– А мы катались!

Как-то утром дети играли около дома, в палисаднике под тополями. Время к обеду – нет мальчишек на месте. Спрашиваю соседей, не видал ли кто моих сыновей. Побежала к речке. Напугалась, сказали мне, что тетка Анна видела их в селе Ново-Талице.

Я подумала, не ушли ли они к дедушке Карпу в Булатово. Леня не забойтся и Борю уведет.

По большой дороге, через лес и поле иду в Булатово, за три километра. Деревенька меньше нашей, всего одиннадцать домов. Зашла в избу свекра – так и есть.

Сидят за столом гости незваные, Леня и Боря. Бабушка Марья удивляется:

– Неужто одни пришли? А мы, Тоня, думали – и ты идешь с ними.

Мои дети любят гостить у дедушки Карпа. Здесь многолюдно, весело.

У Карпа Фомича Куликова семеро детей. Младший сын Федя чуть постарше Лени.

Внуки с удовольствием садятся за общий стол, охотно едят из большой чашки. Ешь, не зевай! Посту-

Леонид Куликов и дети.
Рисунок на картоне тушью.
Неизвестный автор

квивают деревянные ложки, пустеет блюдо, бабушка Марья подливает «работничкам» молоко из кринки.

Тесновато такой семье в старой избушке, крытой соломой, с тремя маленькими оконцами. Русская печь, полаты, лавки приколочены к стенам, большой стол, проскобленный добела, стоит в переднем углу под иконами. На столе ведерный медный самовар – гордость семьи. Перегородочка отделяет бабушкину кухню с чугунами да ведрами от чистой половины.

Дети смотрят, как дедушка запрягает лошадь. Нельзя ли покататься?

– Нельзя, в лес еду, – отвечает дед.

В хозяйстве у него есть еще корова и овцы. Трудно одному прокормить такую семьюцу. Дедушка – мастер на все руки: плотник и столяр, стекольщик, щорник и сапожник, – от нужды всему научился.

В сенях у верстака чего только нет! Железки, чурочки, дощечки, молотки, гвозди. Горой лежит янтарная, пахучая стружка. Дед работает у верстака, и внуки здесь. Леня сколачивает дощечки, мельницу мастерит. Дедушка Карп хвалит:

– Ну хорош внучек, шибко делен, весь в меня.

На задворках избы небольшой пруд, полузатянутый зеленью. У берега в воде мокнут чан и кадки, чтобы не рассохлись за лето. Плавают плот из досок – дяди сделали для забавы. Бегут мои сыновья к пруду, а бабушка Марья Максимовна наказывает своим старшим:

– За Леней-то да за Борей глядите! Не утонули бы.

Как-то мальчишки оказались одни у пруда, перескочили на плот. Он раскачался, отошел от берега. Напугались мои плотогоны, заревели в два голоса. Пришел дядя Алеша, влез в воду по пояс, подтянул плот к берегу. Спас моряков от кораблекрушения.

Наслушается Леня рассказов, как дяди на реке Та-

лице удочками рыбу ловили. Возьмет ивовый прут подлиннее, привяжет холщовую нитку с кривым гвоздиком и ловит рыбу в деревянном чане у берега пруда. Терпеливо ждет, когда же клюнет.

В Голчаново вместе с детьми я привозила и няню Наташу. Она постарше меня. Удивляется:

– Антонина Семеновна, все-то крестьянские работы умеете.

До двадцати лет я жила в деревне. Мама – вдова, отец убит на войне в пятнадцатом году. Из троих детей я старшая, с двенадцати лет стала маминой помощницей.

Окончательно оторвалась от деревни в 1923 году. Для меня это был год больших перемен. Окончила Иваново-Вознесенскую губсовпартшколу второй ступени, назначена заведующей избой-читальней в Михалево, принята в члены РКП (б) и вышла замуж за Ивана Карповича Куликова.

Пришли в Булатово к родителям мужа. Свекровь говорит:

– Тоня, вы хоть маненько бы повенчались, да свадьбу надо собрать. Чай, мы не хуже людей, зайдем да сделаем.

Свекор улыбается в усы, он не прочь погулять на свадьбе сына. Я отвечаю:

– Свадьбы не будет. У моей мамы тоже денег нет, а мы с Ваней еще не заработали. В долг пировать не будем.

Моя родня Воронины в Бога не верили, да и муж тоже. Дети у нас некрещеные.

В 1926 году муж окончил рабфак и поступил в Ленинградский университет, на факультет советского права.

Я осталась одна с детьми. Своей работой в школе недовольна: очень мало знаю.

Надо бы и мне ехать в Ленинград: и учиться, и семью сохранить.

Члены Курганской областной писательской организации в музее школы № 26 с матерью Леонида Ивановича – Антониной Семеновной (в первом ряду справа). Слева направо: Вячеслав Веселов, Любовь Андреева, Михаил Шушарин, Алексей Пляхин, Яков Вохменцев (сидит), Павел Кочегин, Иван Яган, Владимир Спичкин (Огнев), Василий Еловских. 1976 год.

Родные тоже беспокоились обо мне. Зашла как-то в Ивановский уисполком к дяде, Ивану Александровичу Воронину, старому большевику. Он спрашивает:

– Тонюшка, ты думаешь о семье-то? Муж в Ленинграде, а ты с детьми здесь.

Я с гордостью ответила:

– А что с ним делается?

Покривила душой. Я боялась распада семьи, боялась, что сыновья останутся без отца. Сразу же от дяди Ивана пошла в уком партии, в женотдел. Подала заявление, чтобы меня направили на учебу в Ленинград.

В феврале 28-го года мне дали путевку в Ленинградский коммунистический политпросветинститут имени Крупской, на школьное отделение. И прислали программу для сдачи экзаменов.

Стала усердно готовиться к экзаменам, брать плат-

ные уроки у математика и физика той же школы, где работала. В летние каникулы подрабатывала на курсах: нужны деньги.

В августе поехала в Ленинград, сыновей оставила с няней Наташей. Экзамены сдала, пришла в общежитие на Надеждинской, расплакалась. Студентки спрашивают:

– Вас не приняли?

Отвечаю, всхлипывая:

– Приняли. Не знаю, куда детей девать.

Студентам первого курса не давали комнат для семейных. До начала занятий в институте оставалось четыре дня.

Я поехала в Иваново, прямо с вокзала пошла в губженотдел (губернский женский отдел – *сост.*). Надумала на год отдать детей в детский дом. Попрошу, мол, Клавдию Ивановну Колотилкову определить их.

Колотилковы – друзья моих родителей по революционной работе. Николай Николаевич – секретарь губкома партии. Клавдия Ивановна дома. Рассказываю ей, что поступила в институт, а детей хочу на год устроить в детский дом.

– Помогите, Клавдия Ивановна.

– Плохо, Тоня, придумала. Надо Катерину Петровну просить, чтобы взяла внуков на зиму.

Я взглянула в окно – на двор въезжает на лошади моя мама. Легка на помине!

Входит она, в руках четверть с молоком. По старой дружбе она завозила молоко для детей Клавдии Ивановны.

Мама удивилась:

– И ты здесь, Антонина?! А говорили – в Ленинград уехала.

– Была, в институт поступила.

– Екатерина Петровна, детей-то надо взять на зиму, а потом Тоня увезет их с собой, – говорит Клавдия Ивановна.

– Не знаю, согласится ли сын.

– А что сын? Он еще неженатый.

Договорились. На другой день мама приехала ко мне, увезла детей и няню в Голчаново. А свекор Карп Фомич перевез в Булатово мои вещи.

Надо возвращаться в Ленинград.

На вокзале меня никто не провожал. Села в вагон, и такое горе взяло, что я расплакалась. Пассажиры спрашивают:

– Что-то случилось? Обокрали? Деньги потеряла?

– Нет, – говорю, – учиться еду. А дети здесь остаются.

В 1929 году я привезла детей в Ленинград. Получила комнату на Басковом переулке в семейном общежитии. Муж из общежития на Мытне переехал к нам.

По утрам много хлопот. Вожу детей в детский садик на улицу Чайковского. Тороплю сыновей, не опоздать бы на лекции.

Домой возвращаемся, не спеша. Боря не хочет идти сам, просится на руки, тянет в булочную за пирожными. Но тощ студенческий карман.

Леня бежит впереди, припрыгивает, залезает на каменные столбики, что стоят у въездов во дворы домов, выкрикивает стихи, выученные в садике:

*Скоро, скоро у деревни новой
Инженеры вырастут свои.*

«Все, что ты просил, Леня, я принесла...».

*Понастроят для села родного
Молотилки, тракторы, жнеи.*

Подражая паровозу, пытит, вертит руками, приговаривает:

*Полотно, а не дорожка,
Конь не конь – сороконожка
По дорожке той ползет,
Весь обоз одна везет...*

Леня легко запоминает стихи...

По вечерам мы с мужем остаемся с детьми поочередно. Я работаю на курсах и в школе взрослых при заводе имени Ленина. Муж подрабатывает грузчиком на товарной станции и в порту. Студентам трудно прокормить семью, и вот в нашем общежитии организовали коммуну: детский сад, а для матерей и бабушек – полное бесплатное питание. Все работы в этой коммуне выполняли женщины на общественных началах. Ухаживали за ребятней, готовили на кухне еду – кормили три раза в день. Средства на питание давал институт. Мы, работающие студенты, вносили определенную часть от наших заработков. Почти все семейные подрабатывали. Стипендий не получали, но на мелкие расходы выдавалось немного денег. Общежитие, трехразовое питание в столовой института, стирка, культпоходы в театр, экскурсии в музеи – все для студентов было бесплатно.

Ивановскому землячеству губком присылал по двенадцать рублей в месяц на студента.

У меня радость: мама переехала жить ко мне...

Иван Яган в гостях у поэта Леонида Куликова

МАЯК СПАСЕНИЯ

Война, война! И небосвод расколот.
Кровавый ливень хлынул на траву.
А бомбы бьют и бьют, как тяжкий молот,
Грозят убить Советскую страну.
И не забыто страшное доньше,
Как погибали целые полки,
Когда стальные танковые клинья
Россию разрубали на куски.
Но поднялась невиданная сила,
Фашистское нашествие круша,
И, не щадя себя, врагов гвоздила
Разгневанная русская душа.
Когда грозила смерть всему народу,
Бойцы сражались, не считая ран:
Телами накрывали вражьи доты,
Свои сердца бросали на таран.
За мирный день, за жизнь и за свободу
Заплачена огромная цена:
Могильный ров длиной в четыре года,
А горю не было ни берега, ни дна.
Весь мир спасла великая Победа,
Она рождалась в тысячах атак,
И долго будет помнить вся планета
Маяк спасенья, наш советский флаг.

ДЕПРЕССИЯ

Было все для счастья.
Все ему давалось.
Сам себе хозяин, на своих ногах.
А в глубинах мозга
Что-то замыкалось,
Вспыхивали искры
В тонких проводах.

Пламя, как тигрица,
Билось в нервной клетке,
Обжигая мысли, плавя провода,
На висках ломались голубые ветки,
Под напором ярости пухла голова.

Острыми когтями горло разрывает,
Залепила очи черная пурга.
Он и сам не знает, что его терзает,
В каждом доме видит тайного врага.

В сумерках рождается
Ложное решение,
С каждым днем худеет,
Рвется календарь...
Позови на помощь,
Есть еще спасенье!
Выйди хоть на улицу, не гаси фонарь!

Не позвал. Не вышел.
Лишь махнул рукою.
Резко и обдуманно себя перечеркнул.
Одного хотелось – вечного покоя,
Чтоб не падал в уши
Нестерпимый гул...

С четырех обрывов падают лавины,
С четырех обрывов
Пропасть глубока:
Тупая безнадежность, острая обида,
Белая горячка, черная тоска.

ПЕРВАЯ ПОКУПКА

С мамой в булочную шла
Непоседа Света.
В кулаке она несла
Светлую монету.

Этот маленький кружок,
Лёгонький и тонкий,
По столу кататься мог,
На пол падал звонко.

А зачем его хранить,
Для чего он людям?
Если дырочку пробить,
Пуговица будет!

– Пробивать? – сказала мать.
Глупое занятие.
Не годится пришивать
Денежку на платье.

Лучше сходим в магазин,
Будто на прогулку.
Мы монету отдадим,
А получим булку...

С мамой в булочную шла
Непоседа Света.
В кулаке она несла
Светлую монету.

Вот и хлебный магазин,
Прибранный и чистый.
На прилавках у витрин
Хлеб лежит душистый.

Очень вкусно пахнет тут!
Постоишь минутку –
Слюнки сами потекут,
Заурчит в желудке.

К продавщице подошла
И сказала Света:
– Я за булкой к вам пришла,
Дайте мне вот эту!

Продавщица, не спеша,
Приняла «двадцатчик»:

Мемориальная доска на доме № 62 по улице Гоголя

– Вот вам булка. Хороша?
Получите сдачу.

Света рада, весела:
– Добрая вы, тетя!
Я вам денежку дала,
А вы мне две даёте.

С ними я приду опять
Ваши булки покупать!

Света с мамой к дому шла,
Падал снег на шубку.
Гордо девочка несла
Первую покупку.

МАМИН ДЕНЬ

Дом сверкает чистотой,
На столе варенье.
Мы встречаем всей семьёй
Мамин день рожденья.
Даже дед помолодел,
Празднично оделся.
И Серёжка, молодец, –
Сел и не вертелся.
Каждый что-то приберёт
Для подарка маме.
Я ей вышила платок
Разными шелками.
Для неё букет из роз
Срисовала Катя.
Папа маме приподнёс
Голубое платье.
И от старших не отстал
Маленький Серёжка:
– Мам, возьми мой самосвал,
Поиграй, немножко!

ЖАРА

По швам растрескалась земля,
Забытая дождями.
А солнце снова жжёт поля
Горячими лучами.

В тени укрылись все, кто мог,
От солнечного гнева.
Один подсолнух свой веночек
Бесстрашно поднял к небу.

Стада бредут к озёрам пить,
Воде коровы рады
И не желают выходить
На берег из прохлады.

И певчих птиц измучил зной,
Все дремлют втихомолку.
И только дятел, врач лесной,
Выстучивает ёлку.

СКОРО В ШКОЛУ

Семь лет мне исполнилось в мае.
Я знаю все буквы почти.
Сказать вам, о чём я мечтаю?
Мне хочется в школу пойти.

Давно в моей сумке хранятся
Букварь, карандаш и тетрадь.
Я буду отлично учиться
И папе на стройку писать.

Про всё напишу по порядку:
Я вырос – меня не узнать,
Я делаю утром зарядку
И сам убираю кровать.

Одно лишь от папы я скрою,
Что сильно по нём заскучал.
Мой папа – строитель.
Он строит
В пустыне огромный канал.

НА РЕЧКЕ

Над рекой неторопливой
Рвутся к солнцу тучи брызг,
Звуки радости бурливой,
Громкий смех и шум, и визг.

Словно гибкие дельфины,
Смельчаки нырнут не раз,
И плывут до середины
Стилем «кроль» и стилем «брасс».

А один чудак метнулся,
Поднял волны через край
И чуть-чуть не захлебнулся –
Плавал стилем «батерфляй».

Кто ж боится неудачи,
Тот в тепле прибрежных вод
Шумным стилем «по-собачьи»
Замечательно плывёт.

ПОКИДЫШЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ